

Государственно-религиозные отношения в странах Азии

АНТОНОВСКАЯ Варвара Владимировна — магистрант 2-го курса Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); старший лаборант-исследователь центра центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии РАН (117218, Россия, г. Москва, Нахимовский пр-кт, 32; var.antonovskaya@yandex.ru); SPIN-код: 5250-0316

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОБРАЗ СССР В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. В статье рассматриваются общие тренды формирования образа СССР и восприятие его роли в исторической памяти государств Центрально-Азиатского региона (Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Кыргызстан) в контексте исследования политики памяти на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: историческая память, СССР, Центральная Азия, политика памяти

Статья написана в рамках исполнения государственного задания центру «Государство и религия в Азии» ИКСА РАН FMSF-2025-0001 «Государственно-религиозные отношения в странах современной Азии: правовые, историко-культурологические, философско-теологические аспекты».

После распада СССР в 1991 г. перед новыми суверенными единицами — постсоветскими республиками остро всталась проблема поиска внутреннего единства и переформатирования идентичности с советской (интернациональной, социалистической) на национальную. Так называемая борьба за идентичность стала очень актуальной для молодых государств. От политической элиты требовалось не только доступно разъяснить населению, что именно скрепляет его в установленных границах при осознании утраты прежних ценностей и мировоззренческих ориентиров, но и произвести пересмотр исторической памяти, что являлось одной из важных составляющих процесса построения национальных государств.

Как показывает исторический опыт, создание суверенных национальных государств неразрывно связано с отмежеванием от бывших метрополий, которое заключалось в отрицании или представлении в негативном свете различных аспектов общего сосуществования и со-развития. Создание национальных государств «от противного» является вполне естественным (хоть и не всегда оптимальным) путем развития, при котором переосмысление общего прошлого в рамках одного государственного объединения выступает в качестве инструмента консолидации национальной идентичности. Однако, в отличие от стран Европы, где строительство национальных государств (политическая модернизация) и складывание национального рынка, буржуазии и промышленности (экономическая модернизация) протекали практически параллельно и взаимодополняли друг друга, то в странах Центральной Азии экономическое развитие и индустриализация были осуществлены в рамках

Советского Союза, тогда как политическая модернизация стала возможна лишь после его распада. В этой связи возникает парадокс – логическое развитие политической модернизации (национальное государство) достигается государствами Центральной Азии только через отрицание (полное или частичное) достижений экономической модернизации, осуществленной в составе СССР. Это главная дилемма, перед которой были поставлены элиты постсоветских центральноазиатских республик, и к ее разрешению они подходили разными способами. Это во многих случаях и определяет специфику процесса конструирования политики памяти в регионе.

Поиск собственной национальной идентичности также сопряжен с обращением к историческим нарративам, этнополитическим мифам, конструируемым с их помощью коллективной исторической памяти. В частности, важную роль в процессе формирования национальной идентичности также играет процесс рефлексии, осуществляемый национальной гуманитарной интеллигенцией при кураторстве политических властей, при котором переосмысливаются и подвергаются переоценке события недавнего прошлого.

Для постсоветских центральноазиатских республик недавним прошлым, как нами уже было упомянуто, являлся период существования в СССР. В данном исследовании мы предлагаем рассмотреть общие тренды формирования образа СССР и восприятие его роли в исторической памяти государств Центрально-Азиатского региона¹, а именно Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Киргизии.

Историческую политику, рассматриваемую нами в качестве частного случая политики памяти, мы предлагаем понимать как деятельность государственных и иных акторов, направленную на трансляцию и закрепление в коллективном восприятии представлений о прошлом, формирование вокруг них культурной инфраструктуры, поддержание и конструирование выгодных государственной власти нарративов посредством образовательной политики и путем законодательного регулирования [Малинова 2018; Миллер 2012]. Также отметим, что политика памяти работает не с самим прошлым и историческими событиями, а скорее с их определенной реконструкцией и социально-культурным восприятием, которое укоренилось (или нуждается в укоренении) в коллективной памяти. Под коллективной памятью мы предлагаем понимать социально разделяемое культурное знание о прошлом, которое отличается своей избирательностью и неполнотой [Малинова 2018]. Продвигая и поддерживая определенное восприятие прошлого в коллективной памяти, политические акторы стремятся не просто утвердить определенную интерпретацию прошлого, но использовать ее для реализации конкретной политической программы. В случае с государственной властью речь идет о собственной легитимации, а также обосновании проводимой политики и принимаемых решений, укреплении национального самосознания и внутренней солидарности отдельных групп населения и их солидаризации с государственной политикой. Негосударственные акторы нередко преследуют обратную политику, направленную на делегитимацию государственного

¹ Отметим, что сегодня историческую Среднюю Азию (пять постсоветских республик) как на Западе, в англоязычной традиции, так и в самих постсоветских государствах именуют Центральной Азией. На русском языке под Центральной Азией обычно понимается аридный, климатически суровый макрорегион значительно севернее и восточнее: юг Сибири, Монголия, Таримская котловина, Тибет, прежде всего тибето-монгольский мир. В данной статье, однако, мы будем употреблять оба термина.

строя или отдельных аспектов государственной политики в целях оказания на нее влияния.

Конструирование политики памяти – сложный, нелинейный и многофакторный процесс. Тем не менее исследователи политики памяти выделяют несколько общих черт, которые идентифицируются в стратегиях политики памяти государств Центральной Азии. Во-первых, это стремление вслед за советской традицией выстроить демонстрацию континуальности истории. Следует отметить, что нациестроительство в Средней Азии происходило между Гражданской и Великой Отечественной войнами, менее 100 лет назад¹, и оно до известной степени определялось не местными элитами, а потребностями советского правительства. Поэтому для государств Средней Азии идеально гораздо важнее средневековое наследие этих земель, кем бы ни считали себя в этнокультурном отношении его создатели: так, например, элиты региона стремятся провести происхождение народа от арийцев, гуннов Аттилы или времен существования Золотой Орды. Во-вторых, это расширение (иногда искусственное) границ собственной истории, которое зиждется на актуализируемых нарративах о древности и автохтонности народа, его уникальной культуре, великих предках и могущественных врагах, в борьбе с которыми формировалась нация [Франц 2020]. В-третьих, это «антиколониальный»² дискурс и инкорпорированная в него виктимизация национального прошлого в составе СССР [Романова, Федорова 2023]. При этом в каждой отдельной стране ЦА можно наблюдать разную степень и разные фокусы виктимизации.

Обращение к национальному прошлому в составе СССР преимущественно сопровождается критическими оценками данного периода, переосмысливанием советского наследия и коммунистической идеологии [Грибовод, Ковба, Моисеенко 2019]. В угоду политической конъюнктуре пересматриваются исторические смыслы, что находит отражение в образовательной и культурной политике, коммеморативных практиках, общественно-политическом дискурсе и т.д. Так, например, общим трендом для постсоветских государств в целом и для центральноазиатских республик в частности является процесс декоммунизации и десоветизации. В Узбекистане, Киргизстане, Казахстане, Туркменистане и Таджикистане были открыты музейно-мемориальные комплексы жертвам политических репрессий, а также установлены памятники и мемориальные таблички. Например, в Казахстане на месте женского лагеря, в котором отбывали заключение «изменники родины», был открыт мемори-

¹ В этом факте не может быть никакого негативного оттенка. Национальное самосознание в его современном понимании, потребность в нем – продукт конкретной исторической эпохи, для Российской империи стартовавшей 100–120 лет назад. Люди тысячелетиями имели иные идентичности, и это, как и наличие сегодня идентичностей национальных, объективный факт, не говорящий об этих людях ни хорошего, ни плохого.

² Как в западной гуманитарной литературе, так и в современной национальной гуманитарной литературе государств Средней Азии можно (вслед за западной) встретить утверждение, что Российская империя была колониальной державой так же, как и Британская империя. Это высказывание не исторично, а идеологично; оно не соответствует действительности. Колониализм возможен там, где имеют место развитые капиталистические отношения, и метрополия нуждается как в вывозе природных ресурсов, так и в наводнении местного рынка дешевыми фабричными товарами. Условия для этого в Российской империи практически отсутствовали. Российской империи нужна была прежде всего безопасность фронтовых и приграничных регионов для обеспечения безопасности торговых путей, поэтому она слабо вмешивалась в дела местных исламских сообществ, требуя от них лишь лояльности и обеспечения социального порядка, управляемости на местах.

альный комплекс «Алжир», в Ташкенте, Бишкеке и Ашхабаде были открыты памятные места, посвященные жертвам сталинских репрессий¹. Акцент на теме репрессий прежде всего обусловлен использованием их в качестве инструмента девальвации достижений сталинской экономической модернизации. В условиях, когда сложно отрицать материальные результаты индустриализации и инфраструктурного развития, осуществлявшихся в период существования СССР, именно репрессии выступают как наиболее ясная линия критики, позволяющая ставить под сомнение позитивное наследие советского периода.

В рамках процесса десоветизации происходило переименование населенных пунктов, улиц, а также демонтаж памятников русским большевикам и их замена на фигуры местных героев и националистических лидеров. Таким образом, происходит смещение коммеморативного внимания с фигур советских руководителей республики на фигуры национальных героев конструируемого пантеона [Галлиев 2016].

Переосмысление роли Советского Союза также происходило в плоскости академического дискурса. Так, после распада СССР на территории бывших союзных республик были созданы структуры, ответственные за исследование и формирование исторической памяти. Это такие организации, как Институт истории государства в Казахстане, Каракалпакский НИИ гуманитарных наук в Узбекистане, Институт истории и культурного наследия Национальной академии наук в Киргизии, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша в Таджикистане.

Большое значение в формировании исторической памяти играет образовательная политика. Как показало исследование российских ученых «Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств», общая чертой школьных учебников новых национальных государств Центральной Азии является стремление представить контакты с русскими и Россией как источник бедствий [Освещение общей истории... 2009]. Исследование, проведенное в 2024 г. ИНИОН РАН, также отмечает, что образ СССР не претерпел существенных изменений [Россия в учебниках стран... 2024]. Политика, проводимая СССР (центром) в центральноазиатских республиках, характеризуется в целом как принесшая урон национальной идентичности, способствовавшая усугублению экономического и политического кризиса. Конечно, о тотальной демонизации Советского Союза говорить было бы неверно: авторы школьных учебников и пособий для вузов признают и некоторые положительные инициативы СССР: например, строительство заводов и фабрик, открытие учебных заведений и повышение образованности населения.

Также положительным аспектом, важность которого признается и отмечается в рассматриваемых нами странах, выступает нарратив о героическом участии в Великой Отечественной войне. Участие в войне представляется как общая трагедия, где нет места разделению на республики и центр. При этом отмечается, что центральноазиатские государства внесли свой значимый вклад в победу, снабжая фронт и тыл необходимым сырьем. Несмотря на это, некоторые эксперты, занимающиеся изучением политики памяти региона, отмечают, что в последнее время нарратив о Великой Отечественной войне также претерпевает изменения и воспринимается как «травма» в моло-

¹ Как и всюду на пространстве бывшего Советского Союза, реабилитация осужденных при Сталине проводилась скопом; под нее подпадали не только невинные жертвы перегибов (которых, отметим, было немало!), но и реальные преступники.

дежной среде центральноазиатских государств из-за кажущегося умаления вклада республик в общую победу [Романова, Федорова 2023]. Аналогичные заявления можно найти и в учебной литературе стран Центральной Азии, где утверждается, что советская власть насилино забирала народ на войны и насилино приобщала к мировым процессам [Россия в учебниках стран... 2024]. Тем не менее память о ВОВ все еще является консолидирующим элементом, а День Победы является важной мемориальной датой.

Еще одним позитивным аспектом памяти о СССР, который страны Центрально-Азиатского региона аккумулируют как в стратегии национальной политики памяти, так и во внешней политике, является советская идея о «дружбе народов», которая в настоящее время получила новое прочтение в рамках таких международных организаций, как ЕАЭС, ШОС, и Консультативной встречи глав государств Центральной Азии.

Таким образом, стратегия политики памяти центральноазиатских стран по отношению к своему прошлому в составе Советского Союза и формирование его образа в коллективной исторической памяти основывается на таких технологических приемах, как актуализация одних фактов прошлого и замалчивание других, переписывание учебников по истории, создание новой историографии, переименование топонимов, изменение мемориальных дат и трансформация символического наполнения праздников, а также создание собственных организаций и институтов, занимающихся изучением национальной истории.

По итогам сказанного выше можно сделать следующие выводы.

В целом, память о своем национальном прошлом в составе СССР и образ Советского Союза в странах Центральной Азии являются довольно амбивалентными. С одной стороны, в угоду глорификации национальной истории постсоветские восточные республики формируют антагонистический режим памяти, в основе которого – стремление отмежеваться от бывшей «метрополии» в лице СССР, которое происходит с помощью клиповской презентации прошлого. Демонстрируя и закрепляя наиболее резонирующие негативные события периода существования в СССР в коллективной памяти нации, элиты стремятся подчеркнуть на контрасте успехи проводимой ими государственной политики.

С другой стороны, наследие Советского Союза, отраженное в индустриальной базе, в разделяемых знаковых мемориальных датах, дипломатических и экономических связях государств региона, также сохраняет свое значение. К тому же параллельно с постепенным дистанцированием от своего советского прошлого страны Центральной Азии pragmatically сохраняют некоторые символы и практики времен СССР, такие как, например, празднование Дня Победы, считая это выгодным для сохранения дружественных отношений с Россией.

Такую стратегию политики памяти в Центральной Азии некоторые исследователи называют «сидением на двух стульях» [Грибовод, Ковба, Моисеенко 2019] – стремлением политических элит соблюсти некий баланс между использованием элементов наследия советского прошлого, принципами государственного суверенитета и национальной идентичности, а также совместить просоветский и антисоветский дискурсы в процессе лавирования между ориентацией на Россию и курсом на сближение с Западом, а также с Турцией.

Для политики Российской Федерации в отношении Средней Азии важно актуализировать общее культурное наследие, главным образом советского периода. Не стоит забывать, что жители этого большого региона более 100

лет проживали в едином государстве с россиянами, многие из них – носители русского языка; жители Средней Азии внесли большой, достойный вклад в формирование советской и современной русской культуры. Не только добрососедство, но и реальное кровное братство связывают нас с народами и культурами Средней Азии.

Список литературы

Галлиев А.А. 2016. Отражение советской истории в политике памяти современного Казахстана. – *Үлкен Алтай әлемі [Мир Большого Алтая]*. Т. 2. № 3.1. С. 430-440.

Грибовод Е.Г., Ковба Д.М., Моисеенко Я.Ю. 2019. Политика национальной памяти на постсоветском пространстве: подходы и практика. – *Дискурс-Пи*. № 2(35). С. 28-41. DOI: 10.17506/dipi.2019.35.2.2841.

Малинова О.Ю. 2018. Политика памяти как область символической политики. – *Методологические вопросы изучения политики памяти* (отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко). М., СПб: Нестор-История. С. 27-53.

Миллер А.И. 2012. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века. – *Историческая политика в XXI веке* (под ред. А. Миллера, М. Липман). М.: Новое литературное обозрение. С. 7-32.

Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств: доклад (под ред. А.А. Данилова, А.В. Филиппова). 2009. М. 389 с.

Романова А.П., Федорова М.М. 2023. Роль политики памяти в конструировании новых идентичностей в странах Большого Каспия (на примере Республики Казахстан и Республики Туркменистан). – *Сравнительная политика*. № 14(3). С. 60-78. DOI: 10.46272/2221-3279-2023-3-14-60-78.

Россия в учебниках истории стран Ближнего и постсоветского Востока, Китая: реферативный сборник (отв. ред. В.А. Аватков). 2024. М., 155 с.

Франц В.А. 2020. Потенциал мягкой силы исторической памяти во взаимном сближении жителей государств Центральной Азии и россиян. – *Дискурс-Пи*. № 3(40). С. 54-73. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10304.

ANTONOVSKAYA Varvara Vladimirovna, Master student in Political Science, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, Russia, 117198); Senior Research Assistant of the Center for Central Asian Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (32 Nakhimovsky Ave, Moscow, Russia, 117997; var.antonovskaya@yandex.ru)

MEMORY POLITICS IN THE POST-SOVIET SPACE: THE IMAGE OF THE USSR IN THE HISTORICAL MEMORY OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Abstract. In this article, the author considers general trends in the formation of the image of the USSR and the perception of its role in the historical memory of the Central Asian states (Kazakhstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan and Kyrgyzstan) in the context of the study of memory politics in the post-Soviet space.

Keywords: memory studies, USSR, Central Asia, memory policy